

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 81'25

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-1-69-75>

К ПРОБЛЕМЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА ПОЭЗИИ У. СТИВЕНСА

Юлия Юрьевна Миклухо

Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия, juliavlasova@mail.ru

Аннотация

Проблема переводимости художественного текста остается насущной. В разные времена в литературоведческой науке шли споры о том, допустимо и возможно ли пересоздавать оригинальное произведение средствами чужого языка. В данной статье исходными являются бахтинский тезис о «диалоге культур» и развитые в трудах отечественных ученых-компаративистов положения о принципиальной переводимости художественного произведения.

Цель – анализ стихотворений поэта-модерниста Уоллеса Стивенса и его русскоязычных переводов. Актуальность исследования продиктована безусловной художественной ценностью поэзии американского поэта. Вместе с тем творческое наследие Стивенса остается неизвестным отечественному читателю в силу малого количества русскоязычных переводов его стихов и работ по эстетике, а также наличием сколько-нибудь значимых научных исследований, посвященных вопросам стивенсовской поэтики. Новизна исследования определяется попыткой систематизации разрозненных научно-исследовательских материалов о творчестве Стивенса и текстов переводов его стихотворений с целью воссоздания картины русскоязычной рецепции творчества американского поэта.

Материалом исследования послужило программное стихотворение У. Стивенса *Thirteen ways of looking at a blackbird* и его русскоязычные переводы. В исследовании используются методы лингвостилистического анализа языковых единиц, метод филологического анализа художественного текста, сравнительный анализ.

Творчество Стивенса отражает общую тенденцию к усложненности поэтического языка, высказанную еще Дж. Эллиотом. Поэзия Стивенса остается загадкой, предусматривает различные интерпретации, в то время как сам автор не дает подробных и четких рекомендаций. Символом поэзии для Стивенса является музыка – самый абстрактный вид искусства, поэтому любое искусство должно стремиться к состоянию музыки. В своих стихах Стивенс создает мир воображаемой, условной и таинственной реальности. Истоки его поэтики восходят к романтизму и символизму, колриджевскому пониманию воображения. В ней также ощутимы отголоски ницшеанства, фрейдистские и юнгианские мотивы. Именно по этой причине бывает непросто понять, о чем стихи автора. Это приводит к множественным интерпретациям текстов Стивенса. Эта особенность поэтического стиля американского автора дает переводчикам свободу при работе с произведениями Стивенса и актуализирует одни доминанты оригинальных произведений, затушевывая другие.

Точный перевод стихотворений Стивенса не равнозначен успешному переводу. Именно поэтому исследователи рекомендуют при анализе отдельных стихотворений учитывать все его творческое наследие (включая теоретические изыскания). Отдельные стихи Стивенса становятся частями единого гипертекста, который можно понять, имея целостный образ воображаемого мира, созданного автором.

В статье рассматривается одно из программных стихотворений Стивенса *Thirteen ways of looking at a blackbird* и способы реализации авторской концепции в его русских переводах. Проведенный анализ позволил определить перевод, сделанный Британишским, как наиболее близкий к понятию эквивалентности. Его перевод передает лексическое содержание оригинального стихотворения, хотя есть значительные отклонения, которые лишают стихотворение целостной реконструкции авторской идеи.

В целом переводы стихотворений Стивенса подтверждают концепцию принципиальной переводимости поэтического текста. С разной степенью успешности авторам переводов удается приблизиться к оригиналу, воссоздать общую атмосферу и передать философский смысл, заложенный в поэтических творениях поэта-модерниста.

Ключевые слова: *рецептивная эстетика, художественный перевод, адекватность, эквивалентность перевода, художественный метод, символ*

Для цитирования: Миклухо Ю. Ю. К проблеме художественного перевода поэзии У. Стивенса // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 1 (225). С. 69–75. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-1-69-75>

COMPARATIVE LINGUISTICS

TO THE PROBLEM OF LITERARY TRANSLATION OF W. STEVENS' POEMS INTO RUSSIAN

Yuliya Yu. Miklukho

Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation, juliavlasova@mail.ru

Abstract

The problem of the translatability of a literary text has remained urgent. At different times, there have been debates in literary science about whether it is permissible and possible to recreate an original work by means of a foreign language. In this article, the Bakhtin thesis on the “dialogue of cultures” and the provisions on the fundamental translatability of a work of art developed in the works of Russian comparative scientists are the starting points.

The purpose is to analyze the poems of the American modernist poet Wallace Stevens and his Russian – language translations.

The program poem by U. Stevens’ “Thirteen Ways to look at the Blackbird” and its translations into Russian served as the material for the study. The study uses the methods of linguo-stylistic analysis of language units, the method of philological analysis of a literary text, and comparative analysis.

Creative works of Stevens reflect a general tendency of complexity of the poetic language that was earlier expressed by G. Elliot. Stevens’ poetry remains a mystery, has various interpretations while the author himself does not provide detailed and clear recommendations. The symbol of poetry for Stevens is music – the most abstract kind of art that is why any art should strive towards the state of music. In his poems, Stevens creates a world of imaginary, conditional and mysterious reality. The origins of his poetics go back to romanticism and symbolism, Coleridge’s understanding of the imagination, echoes of Nietzscheanism, Freudian and Jungian motifs. That is the reason why it can be challenging to understand what the author’s poems are about. It leads to multiple interpretations of Stevens’ works. This feature of the poetic style of the American author gives translators freedom when working on Stevens’ texts and actualizes some dominants of original works while obscuring others.

An accurate translation of Stevens’ poems is not the same as a successful translation. That is why the researchers recommend to take into consideration his entire artistic heritage (including his theoretical research) when analyzing individual poems. Stevens’ individual poems become parts of a single hypertext that can be understood by having a complete image of an imaginary world created by the author.

The paper considers one of the curriculum poems written by Stevens’ “Thirteen ways of looking at a blackbird” and the ways of implementation of the author’s conception in its Russian translations. The analysis of the selected translations made it possible to identify the translation made by Britanishsky as the closest to the concept of equivalence. His translation conveys the lexical content of the original poem, though there are significant deviations that deprive the poem of a holistic reconstruction of the author’s idea.

Keywords: *receptive aesthetics, literary translation, adequacy, translation equivalence, artistic method, symbol*

For citation: Miklukho Yu. Yu. K probleme khudozhestvennogo perevoda poezii U. Stivena [To the Problem of Literary Translation of W. Stevens’ Poems into Russian]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 1 (225), pp. 69–75 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-1-69-75>

Введение

В основе современной компаративистики лежит концепция диалога, разработанная в трудах М. М. Бахтина [1, 2] и ставшая принципиальной для сравнительного литературоведения. В то же время в данном исследовании принципиально разделяется диалектическая позиция Р. Ингардена, который наряду с идеей интенциональности, указывающей на творческий характер восприятия, и развиваемой рецептивной эстетикой отстаивал идею «субстанциализма», подчеркивая значимость «оригинала» как «единственного идеального эстетического предмета», задуманного и реализованного автором [3].

Исходя из вышесказанного, под художественным переводом мы понимаем способ максимально близко к первоисточнику передать содержание и художественный замысел автора.

Вопрос о переводимости художественного текста остается нерешенным. В частности, это касается проблем перевода поэтических текстов. В истории переводоведения всегда было множество сторонников, высказывавших идею их абсолютной непереводимости. Б. Пастернак писал: «Переводы неосуществимы, потому что главная прелесть художественного произведения в его неповторимости. Как же может повторить ее перевод?» [4, с. 166]. Американский поэт Роберт Фрост выража-

ет сходную позицию: «Поэзия – это то, что непере- водимо на другой язык» (цит. по: [5, с. 183]).

И. С. Алексеева отмечает, что в поэтическом тексте форма оказывается предельно информативной. Поэтому все формальные особенности (ритм, размер, количество стоп, рифма, тип чередования рифм, каденция, строфа, рефрен, звукопись) здесь должны выступать в качестве доминант пере- вода [6].

Ю. М. Лотман, с одной стороны, указывает на неравноценность составляющих художественного текста [7, с. 576], с другой – выделяет значимость в поэтических произведениях любых «формальных» языковых элементов. В структуре поэтического текста увеличивается не только количество таких значимых элементов, но и «система их сочетаний». «Принцип со-противопоставления элементов явля- ется универсальным структурообразующим прин- ципом в поэзии и словесном искусстве вообще» [7, с. 599], и это придает поэзии особую семантиче- скую нагрузку.

Особое значение в стихотворном тексте имеет звукопись. По словам М. Лозинского, по сравне- нию с музыкальными звуками звуки слов в стихах «...ярче воздействуют на нашу эмоциональность», поскольку за словами стоят мысли, образы, поня- тия, чувства. Вступая с сложную переключку друг с другом, они «...создают для нас сложные сети мысленных и чувственных ассоциаций» [8, с. 164]. Отсюда важность соблюдения звукового рисунка оригинала. Любое изменение может погасить «внутренний» свет исходного содержания.

Таким образом, множество концепций, рассма- тривающих вопрос специфики художественного перевода поэтического текста, свидетельствует о сложности этого феномена. Точное воссоздание формальной структуры поэтического текста, по мнению ученых, еще не делает перевод адекват- ным. Важнее оказывается передать эстетическое наполнение текста оригинала, его общее настро- ение, сохранить литературный портрет автора. Пе- ред переводчиком, таким образом, стоит двойная задача: восстановить в переводном тексте исход- ную авторскую концепцию, его стиль, манеру и си- стему художественных средств, а также «адаптиро- вать» свой текст к родному языку, сделать его по- нятным для своего читателя. Чужие культурные реалии, встречающиеся в тексте оригинального иноязычного автора, должны быть переданы в пе- реводе адекватными средствами.

Материал и методы

Материалом исследования послужило программ- ное стихотворение У. Стивенса *Thirteen ways of looking at a blackbird* и его русскоязычные перево- ды. В исследовании используются методы лингво-

стилистического анализа языковых единиц, метод филологического анализа художественного текста, сравнительный анализ.

Результаты и обсуждение

Далее на примере американского поэта-модер- ниста Уоллеса Стивенса будет рассмотрен вопрос об особенностях переводческой работы над его текстами. Творчество Стивенса представляет со- бой феномен, в основе которого лежат размышле- ния о природе искусства. В то же время, затрагивая столь важный, вневременной аспект, в своих про- изведениях он остается крайне злободневным. Его «поэзию момента» пронизывает интерес к совре- менности.

Российские исследователи творчества Стивенса (Г. Кружков, А. Генис) отмечают сложность и уни- кальность его поэтического языка, как и в целом художественной системы. Отсюда возможность множественных интерпретаций его текстов, тем более что сам поэт никогда не давал рекомендаций к их прочтению [9]. Так, по мнению Кружкова, «темнота», «суггестивность» стивенсовской поэ- зии является сознательной установкой автора, про- тивостоящего отношению современной культуры к поэзии как к чему-то «мелкому и чисто декоратив- ному» [10, 11]. Это роднит поэзию Стивенса с има- жинистами, кубистами, сюрреалистами и супрематистами.

Поэзия Стивенса остается «темной» загадкой для отечественного читателя. На сегодняшний день имеется очень мало русскоязычных перево- дов его поэтических произведений, не говоря уже о теоретических работах, посвященных проблемам современной литературы, которые, по мнению со- отечественников Стивенса, представляют собой большую литературоведческую ценность.

Сложность художественного метода американ- ского автора актуализирует вопрос о возможности переводов его текстов. Говорить об эквивалентных переводах не приходится, тогда как интерпретации имеют место быть [12]. Подобные интерпретации оправданы необходимостью знакомства русского читателя с уникальным творческим наследием од- ного из крупнейших американских поэтов XX в. [13]. Балансируя между следованием оригиналу и творческой свободой, переводчик должен соеди- нять точность и смелость, что вполне удалось Кружкову, считает Генис [13].

На примере одного из программных стихотво- рений Стивенса – *Thirteen ways of looking at a blackbird* [14] в данной статье будет проанализиро- вана степень проникновения в авторскую концеп- цию русскоязычными переводчиками.

Прежде всего отмечаем общую рамочную ста- тичность «снежного» пейзажа в начале и в конце

стихотворения, в которую вторгается летящая черная птица. Упоминание реки Коннектикут дает нам понять, что это, вероятнее всего, пространство Хартфорда (города, в котором всю жизнь прожил Стивенс).

Центральным образом стихотворения, вынесенным в заголовок, является черная птица. В орнитологии выделяется вид черного дрозда (Old world blackbird / common blackbird), но в разных странах мира существуют птицы, которых также называют (в соответствии с их внешним видом) blackbird (new world blackbird), но которые, строго говоря, не относятся к классическому виду. Ареал обитания классического черного дрозда – Евразия, Австралия и Новая Зеландия; другие же «черные птицы» (так сказать, «ненастоящие» черные дрозды) представлены широко в мире; в том числе свой «черный дрозд» (rusty blackbird) есть и в США, в штате Коннектикут. Таким образом, символ черного дрозда может указывать на условность поэтического пространства стихотворения. Поэт соединяет реалии своего родного пространства с образом чужестранного (возможно, евразийского) черного дрозда, который, кроме прочего, имеет прочные культурные ассоциации (в древнегреческой мифологии представлен как священная, разрушительная птица; в христианстве символизирует греховный соблазн).

Наиболее известными на сегодняшний день являются переводы стихотворения «Тринадцать способов...» Г. Кружкова [15] и В. Британишского [16]. В переводе Кружкова в заглавии переведено «дрозд»; у Британишского «черный дрозд».

В любом случае символика как самой птицы, так и ее черного цвета имеет концептуальное значение. А. Башляр в своей книге «Поэтика пространства» исследует феномен птицы в истории европейской культуры, выстраивая ассоциативный ряд между птицей и некой «округлостью» жизни, гармоничным бытием (принципом «круглого бытия» Ясперса). В подтверждение своего тезиса он приводит высказывание Мишле о птице как модели «круглого бытия»: «Птица, почти совсем шарообразная, несомненно, есть высшее, дивное и божественное воплощение концентрации жизни. Более высокую степень цельности ни увидеть, ни даже вообразить невозможно. Сверхконцентрация, в которой заключена огромная личная сила птицы, влечет за собою, однако, крайний индивидуализм, изоляцию, социальную слабость» [17, с. 214]. У Рильке также актуализируется образ «круглой» птицы, своим «круглым» криком придающей «...небу округлость купола. И все как будто покоится в округленном пейзаже» [17, с. 214].

У Стивенса птица также ассоциирована с круглым:

When the blackbird
flew out of sight,
It marked the edge
Of one of many
circles.

А когда он скрылся из вида,
То завершил окружность
Одного из многих кругов
(Здесь и далее по тексту
подстрочный перевод вы-
полнен автором статьи. –
Ю. М.)

В переводе Кружкова разрушается цикличность («Он наметил границу / Какого-то важного круга»); у Британишского более точно: «Была очерчена граница / Лишь одного из многих кругозоров».

В «Тринадцати способах...» черная птица представляет собой сложный, многогранный символ. С одной стороны, он может быть интерпретирован как движение, нарушающее внешнюю гармонию заснеженного пространства, т. е. дисгармоничная субстанция (такой трактовке, между прочим, способствует и цветовая характеристика птицы). Но развитие стихотворения разрушает это первое впечатление, поскольку птица воплощает собой сознание лирического я в трех его ипостасях, что может быть прочитано в юнгианском духе. В своей книге «Психология бессознательного» в качестве основных категорий психологии Юнг выделяет индивидуальное бессознательное, коллективное бессознательное и архетипы (как ДНК человеческой души). Основные из них – самость; анима (жен.) и анимус (муж.), которые в идеале представляют единое целое – «божественного гермафродита»; тень (то, что вытеснено в подсознание), маска и др. Очень большое значение придается снам и символам. Кроме того, в работе «Архетип и символ» Юнг прямо пишет о числе 13 (очень непопулярном в США) [18, 19]. В то же время фраза I was of three minds... может быть интерпретирована в соответствии с фрейдистскими категориями ид, эго, суперэго. В стихотворении Стивенса также озвучены категории мужского (man) и женского (woman) начал, они предстают в неразделимом единстве вместе с черной птицей:

A man and a woman
Are one.
A man and a woman and
a blackbird
Are one.

Мужчина и женщина –
Это одно.
Мужчина и женщина
Неразделимы,
И черный дрозд между
ними.

В переводах этот мотив передан одинаково с использованием словосочетания «одна плоть».

Это не противоречит башлярскому пониманию гармонизирующей сущности птицы, поскольку для Стивенса творчество, поэзия и есть гармония; движение мысли, вдохновение как противостояние «оцепенению» жизни.

С другой стороны, символ птицы может быть истолкован как категория эстетическая – как знак

творчества, которое в своем замысле потенциально более идеально по сравнению с его вербализацией.
 I do not know which to prefer,
 The beauty of inflections
 Or the beauty of innuendoes,
 The blackbird whistling
 Or just after.

Не знаю, что предпочесть:
 Красоту форм или
 Красоту намеренья.
 Посвист птицы
 Или после мгновенья.

Поэзия для Стивенса сопряжена с музыкой. Музыкальность как неотъемлемая черта символистской поэзии обладает, по мнению Стивенса, той абстрактностью, которая делает ее недостижимой для линейного прочтения, придает особую глубину мысли. Начиная с Вагнера, предпринявшего попытку предельного синтеза оперы, в которой должны слиться музыка, поэзия, изобразительное и пластическое искусство, музыка в поэзии конца XIX в. наполняется особым содержанием. Вагнеровская система лейтмотивов работает и в стихотворениях Стивенса. В «Тринадцать способов...» это черная птица, тень, мужское/женское начала, снег/лед.

Значимость в стихотворениях Стивенса получает не только непосредственно музыка, но и отдельные звуки. Они несут важную информацию, не передаваемую словами. В оригинале таким значимым звуком становится 'посвист птицы' и мгновение тишины после него. Кружков придает именно музыкальную архитектуру («песенка дрозда») в отличие от автора, который, видимо, более последователен в своем «птичьем» параллелизме. Кроме того, если у Стивенса речь идет, скорее, об этапе вдохновения, о зарождении творческой идеи, которая более совершенна по сравнению с формой, реализацией (что вытекает из его эстетической программы), то у переводчиков осмысливается непосредственно созданное: внешняя материя, ткань, «красота звучаний» (Кружков), «красота модуляций» (Британишский) сопоставляется с их скрытым содержанием, подтекстом.

В шестой части стихотворения Стивенс развивает свою идею «актуального», «жизненного» творчества, призывая художников отказаться от 'золотых птиц' (golden birds) и оглянуться на 'черную птицу', что ходит 'у ног ваших подруг' (Walks around the feet / Of the women about you). Британишский близок к оригиналу, переводя «воображаемые золотые птицы»; у Кружкова переведено «императорские соловьи», что, в общем, также создает образ академического «приглаженного» искусства, неприемлемого для Стивенса.

Птица для Стивенса – это еще некий внутренний нравственный императив, не позволяющий ему скользить по поверхности искусства, не погружаясь в его глубину, создавать 'прекрасную песню,

понятную и ритмичную безусловно' (...noble accents / And lucid, inescapable rhythms).
 I know noble accents
 And lucid, inescapable rhythms;
 But I know, too,
 That the blackbird is involved
 In what I know.

Я знаю, что могу написать прекрасную песню,
 Понятную и ритмичную безусловно.
 Но еще знаю я,
 Что этот дрозд участвует в том, что я знаю.

Британишский в данном случае довольно точно передает авторскую концепцию, а Кружков более волен в своем переводе, что ведет к очередному искажению смысла, поскольку в его тексте дрозд превращается в «музу», которая способствует творчеству.

Кружков	Британишский
Мне ведомы тайны созвучий	Я знаю звучные размеры
И тайны гибких, властительных ритмов.	И звонкие, неотвратимые рифмы;
Но мне ведомо также, Что без дрозда	Но знаю также, Что черный дрозд неизбежно участвует
Ничего бы не вышло.	В том, что я знаю.

Между прочим, тень (если ее понимать именно в юнгианском ключе – как область бессознательно-го; то, что мы вспоминаем, переживаем, желаем, но никогда не признаем себе, потому что это идет вразрез с общепринятыми нормами: «Тень противоречит персоне, но в ней скрыта огромная положительная энергия. Если этой энергией научиться правильно управлять, то можно эффективно развить свою личность» [20]) в стихотворении Стивенса также сопряжена с образом черной птицы. Страх лирического героя (причем происходит смена субъекта: в первой части I, здесь Hi) обусловлен сомнением в том, что он действительно имеет отношение к черной птице (т. е. сомнением в своей сопричастности к «высшему» искусству):

He rode over Connecticut In a glass coach. Once, a fear pierced him, In that he mistook The shadow of his equipage For blackbirds.	В своей стеклянной карете Пересекал он Коннектикут. Но внезапным он был пронизан страхом, Когда ошибся, приняв тень экипажа За черных дроздов.
--	--

У Кружкова сохраняется данный вектор, а Британишский, напротив, искажает смысл до противоположного:

Кружков	Британишский
Переезжая мост через Коннектикут	Он ехал через Коннектикут
В стеклянной карете,	В стеклянной карете.
Он вдруг испугался:	Внезапно страх пронизал его,
А не принял ли он за дрозда	Ему показалось,
Тень своего экипажа?	Что тень от его экипажа – Это стая черных дроздов.

Но бег времени не остановить, а черная птица должна лететь дальше: *The river is moving / The blackbird must be flying*. В этой предфинальной фразе заложен глубокий обобщающий смысл: истинное искусство побеждает и практически неизбежно, как вечный бег реки или полет птицы. В этой философской сентенции есть что-то сродни японской созерцательности, а сама структура стихотворения напоминает японские хокку. В то же время название «Тринадцать способов увидеть черную птицу» отсылает к лондонским пейзажам Клода Моне.

Таким образом, пространство в стихотворении – это статично-динамичное явление, которое приобретает философскую глубину. Переводчики в разной степени улавливают эту концепцию Стивенса. Более близким к оригиналу оказывается Британишский. Прежде всего это ему удастся за счет более точного перевода лексических единиц, начиная с заглавия («Тринадцать способов видеть черного дрозда», тогда как у Кружкова «Тринадцать способов нарисовать дрозда»).

В тексте Стивенса важной оказывается не только тема истинного, высокого и в то же время жизненного искусства, реализованная в образе черной птицы, но и размышления о человеческой природе, о категориях временного и вечного. В переводе Британишского сохранилось слово ‘сознание’, что в

совокупности с женским и мужским началом указывает на интерес американского поэта к психоанализу Фрейда и юнгианскому архетипу (не случайно в стихотворении появляется слово *barbaric*). С другой стороны, Кружков, как в свое время отмечал Генис, «...как хороший пианист, исполняет точно, а трактует смело». Хотя в его переводе отсутствует категория сознания, он усиливает эстетическую направленность текста (тему искусства, музыкальность, изобразительность). Интересно, что в первоначальном варианте заглавие у Кружкова переведено как «Тринадцать способов смотреть на черного дрозда». В окончательном заголовке лирическое я переводится из состояния созерцательности в активного субъекта, творца. Это одна из интерпретаций, и она имеет право на жизнь, при этом не исключает возможности других прочтений, как верно замечает Генис [13].

Заключение

Поэзия У. Стивенса сложна по своей природе и допускает множественность художественных интерпретаций. В то же время в ней реализуются основные эстетические принципы, сформулированные автором в теоретических работах. Русскоязычные переводы стихотворений Стивенса с разной степенью успешности подтверждают концепцию переводимости поэтического текста.

Список источников

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Худ. лит., 1972. 279 с.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
3. Ингарден Р. Исследования по эстетике. М.: Из-во иностр. лит., 1962. 571 с.
4. Пастернак Б. Заметки переводчика // Знамя. 1944. № 1-2.
5. Чуковский К. И. Высокое искусство. М.: Советский писатель, 1968. 384 с.
6. Алексеева И. С. Профессиональное обучение переводчика: учеб. пос. по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей. СПб.: Союз, 2001. 288 с. (Серия «Библиотека переводчика»).
7. Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. Анализ поэтического текста. М., 1996. 848 с.
8. Лозинский М. Л. Искусство стихотворного перевода // Дружба народов. 1955. № 7.
9. Стивенс У. Благородный возничий и звучание слов // Фисгармония / изд. подг. Г. М. Кружков, Т. Д. Венедиктова; отв. ред. Т. Д. Венедиктова. М.: Наука, 2017. 396 с.
10. Кружков Г. Загадки Стивенса, или Краткий самоучитель игры на «Фисгармонии» // Стивенс У. Стихи / пер. с англ. и вст. статья Г. Кружкова. URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2008/5/st6.html> (дата обращения: 15.01.2022).
11. Кружков Г. Темный Уоллес // Ностальгия обелисков: литературные мечтания. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 467–476. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/prim/kruzhkov3-11.html> (дата обращения: 12.01.2022).
12. Стивенс У. Стихи. Перевод с английского и вступительная статья Григория Кружкова. Загадки Стивенса, или Краткий самоучитель игры на «Фисгармонии». URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2008/5/st6.html> (дата обращения: 12.01.2022).
13. Генис А. Играя в Бога. Вступ. статья / Стивенс У. Стихи. Пер. с англ. Г. Кружкова // Иностран. литература. 1998. № 10. URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/1998/10/stivens.html> (дата обращения: 13.01.2022).
14. Stevens W. Thirteen ways of looking at a blackbird. URL: <http://www.uspoetry.ru/poem/133> (дата обращения: 10.01.2022).
15. Стивенс У. Тринадцать способов нарисовать дрозда / пер. с англ. Г. Кружкова. М.: Рудомино, 2000. 139 с.
16. Стихотворения: от Уитмена до Лоуэлла / пер. с англ. В. Британишского. М.: Аграф, 2005. С. 47–69.
17. Башляр Г. Избранное: Поэтика пространства. М.: Рос. полит. энцикл., 2004. 376 с.
18. Юнг К. Г. Очерки по психологии бессознательного: пер. с англ. М., 2010. 352 с.
19. Юнг К. Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991.

20. Юнг К. Г. Психология бессознательного, теория личности по Юнгу, ее структура, архетипы, экстраверсия и интроверсия. URL: <http://zhurnal-razvitie.ru/psihologiya-lichnosti/karl-gustav-yung-psihologiya-bessoznatelnogo-teoriya-lichnosti-po-yungu-ee-struktura-arhetipy-ekstraversiya-i-introversiya.html> (дата обращения: 17.01.2022).

References

1. Bakhtin M. M. *Problemy poetiki Dostoyevskogo* [Problems of Dostoevsky's poetics]. Moscow, Khudozhestvennyaya literatura Publ., 1972. 279 p. (in Russian).
2. Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979. 424 p. (in Russian).
3. Ingarden R. *Issledovaniya po estetike* [Studies in aesthetics]. Moscow, Inostrannaya literatura Publ., 1962. 571 p. (in Russian).
4. Pasternak B. Zametki perevodchika [Translator's notes]. *Znamya*, 1944, no. 1-2 (in Russian).
5. Chukovskiy K. I. *Vysokoye iskusstvo* [High Art]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1968. 384 p. (in Russian).
6. Alekseyeva I. S. *Professional'noye obucheniye dlya perevodchikov: uchebnoye posobiye po ustnomu i pis'mennomu perevodu dlya perevodchikov i prepodavateley* [Professional training of an interpreter: textbook on interpretation and translation for translators and teachers]. Saint Petersburg, Soyuz Publ., 2001. 288 p. (Series "Translator's Library") (in Russian).
7. Lotman Yu. M. *O poetakh i poezii. Analis poeticheskogo teksta* [About poets and poetry. Analysis of the poetic text]. Moscow, 1996. 848 p. (in Russian).
8. Lozinskiy M. L. *Iskusstvo poeticheskogo perevoda* [The art of poetic translation]. *Druzhba narodov*, 1955, no. 7 (in Russian).
9. Stevens W. Blagorodnyy voznihiy i zvuchaniye slov [Noble charioteer and the sound of words]. In: *Stevens U. Fisgarminiya* [Harmonium]. Moscow, Nauka Publ., 2017. 396 p. (in Russian).
10. Kruzhkov G. Zagadki Stivensa, ili Kratkiy samouchitel' igry na "Fisgarmonii" [Riddles of Stevens, or a Brief tutorial on playing the "Harmonium"]. In: *Stevens U. Stikhi. Perevod s angliyskogo i vstupitel'naya stat'ya G. Kruzhkova* [Poems. Translation from English and introductory article by G. Kruzhkov] (in Russian). URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2008/5/st6.html> (accessed 15 January 2022).
11. Kruzhkov G. Temnyy Uolles [Dark Wallace]. *Nostal'giya obeliskov: literaturnyye mechtaniya* [Nostalgia of obelisks: literary dreams]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2001. Pp. 467–476 (in Russian). URL: <http://www.vavilon.ru/texts/prim/kruzhkov3-11.html> (accessed 12 January 2022).
12. Mikluchko Yu. Yu. *Kontseptiya iskusstva v tvorchestve U. Stivensa* [The concept of art in W. Stevens's creative work] (in Russian). URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2008/5/st6.html> (accessed 12 January 2022).
13. Genis A. Igraya v Boga. Vstupitel'naya stat'ya [Playing God. Introduction article]. In: *Stevens U. Stikhi. Perevod s angliyskogo G. Kruzhkova* [Poems. Translated from English by G. Kruzhkov]. *Inostrannaya literatura*, 1998, no. 10 (in Russian). URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/1998/10/stivens.html> (accessed 13 January 2022).
14. Stevens W. *Thirteen ways of looking at a blackbird*. URL: <http://www.uspoetry.ru/poem/133> (accessed 10 January 2022).
15. Stevens W. *Trinadtsat' sposobov narisovat' drozda* [Thirteen ways to draw a blackbird]. Translation from English. Moscow, Rudomino Publ., 2000. 139 p. (in Russian).
16. *Stikhotvoreniya: ot Uitmena do Louella* [Poems: from Whitman to Lowell]. Moscow, Agraf Publ., 2005. Pp. 47–69 (in Russian).
17. Bashlyar G. *Izbrannoye. Poetika prostrantva* [Favorites: Poetics of space]. Moscow, Russian Political Encyclopedia Publ., 2004. 376 p. (in Russian).
18. Jung K. G. *Ocherki po psikhologii bessoznatel'nogo* [Essays on the psychology of the unconscious]. Translation from English. Moscow, 2010. 352 p. (in Russian).
19. Jung K. G. *Arkhetip i simvol* [Archetype and symbol]. Moscow, Renessans Publ., 1991 (in Russian).
20. Jung K. G. *Psikhologiya bessoznatel'nogo, teoriya lichnosti po Yungu, ee struktura, arkhetipy, ekstraversiya i introversiya* [Psychology of the unconscious]. *Online magazine Razvitiye* (in Russian). URL: <http://zhurnal-razvitie.ru/psihologiya-lichnosti/karl-gustav-yung-psihologiya-bessoznatelnogo-teoriya-lichnosti-po-yungu-ee-struktura-arhetipy-ekstraversiya-i-introversiya.html> (accessed 17 January 2022).

Информация об авторе

Миклухо Ю. Ю., кандидат филологических наук, Новосибирский государственный технический университет (пр. Карла Маркса, 20, Новосибирск, Россия, 630073).

Information about the author

Miklukho Yu. Yu., Candidate of Philological Sciences, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation (pr. Karla Marksa, 20, Novosibirsk, Russian Federation, 630073).

Статья поступила в редакцию 09.06.2022; принята к публикации 07.12.2022

The article was submitted 09.06.2022; accepted for publication 07.12.2022